

18+

Владимир Пироцкий

Опыт боли и радости

*Сборник стихов
и миниатюр*

Владимир Пироцкий

Опыт боли и радости.

Сборник стихов и миниатюр

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35735792

ISBN 9785449316592

Аннотация

Это сборник стихов и прозаических миниатюр, пестрых и разноплановых. Наша жизнь, даже самая обычная, наполнена переживаниями, болью и радостью, размышлениями, поступками и ежедневным выбором своей дороги. Понимание ценности ситуации выбора, аккумулирующей жизненный опыт человека, важно в любом возрасте. Осознанный выбор своего пути дает надежду на саморазвитие. Автор, как путник у развилки дорог. Лирический герой автора делится своими переживаниями, сомнениями и старается быть искренним. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

К читателям	5
«Гитара...»	6
Невидимый свет	12
Верочка	14
Походная пехотная	19
Город мой...	21
Бугринский мост	24
60	31
Пусть плачет душа...	32
Похвала незавершенному гештальту...	33
«Прощай, прощай...»	35
Русалка	37
Верь в себя	40
Неземная простота	42
Осеннее происшествие	44
Поз Дно	51
Путь Колобка	57
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Опыт боли и радости Сборник стихов и миниатюр

Владимир Пироцкий

Консультант Ксения Хорт

Благодарности:

Маргарита Пироцкая

Анастасия Пироцкая

© Владимир Пироцкий, 2026

ISBN 978-5-4493-1659-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

К читателям

Добро пожаловать, друзья!
Продолжаю верить в чудо
человеческого общения,
в целительную силу
творческого отношения к жизни,
в то, что наивность необходима
для самореализации,
в добро и смирение гордыни,
в необходимость осознанности,
в спонтанность, как горизонт,
к которому я стремлюсь.
Желаю удачи и радости всем!

«Гитара...»

1

О, замолчи, гитара,
Душу не рань перебором.
В сердце впиваются звуки,
Навахой безжалостной гóря.

Я старый, усталый путник,
Случайный гость в трактире.
И капли мгновений падают точно,
Как пули снайпера в тире.

Если бы знать, о деве,
Той,
что оставил
в Севилье.
Так же ль смеется звонко?
Сверкая локона смолью
и взглядом пронзая навыллет.

Может, она печальна
Иль жжет ее болью обида?
Слезы кинжал окропляют,
Улыбка блеснет для вида?

Трое лихих кабальеро
Гарцуют у коновязи.
Клянутся догнать негодяя
И растоптать по грязи.

...горе мне, жизнь уходит,
Гитара устала плакать...
Цыганка песню заводит
В Кордове, на закате.

Я бы к тебе помчался,
андалузца шпорами рая.
Я бы с цепи сорвался,
Хоть знаю, что снова обманешь...

Только немеют руки —
Мысли их крепко вяжут.
Пусть за мое унынье
Боги меня накажут.

Капли мгновений уходят,
А сердце к тебе взывает.
Боли не чую, слезы,
Жизнь по капле уносят...

Сегодня зовет фиеста,
Призрачным счастьем манит.
Надежду на скорую встречу
Нам с тобою сулит.

Весь мир в равнодушном зное
С усмешкой корриды жаждет.
Сегодня на Пла́са Ма́йор
сойдутся рога и шпага,
И кровь закипает в каждом.

Песок золотой арены
Слепит под безжалостным солнцем.
И вееров черных трепет
На бой матадора зовет.

Тореро,
Твой плащ галунами блещет
Улыбка и страх невольный,
В дерзких глазах твоих.

Трибуны ревут, рукоплещут,
Квадрилья твоя за спиной.
Арена слепит под солнцем
И я выхожу на бой.

Гитара, постой, гитара...

Впиваются в душу звуки,

Как ворох цветных бандериллий.
Кровь течет по загривку,
И бурый песок взметает,
торо, стрелюю черной.

А шпага с кривым муэрте
Упрятана в красную тряпку.
Она мельтешит игриво
Пред мордой моей горячей,
Мешая целиться мне.

Я еще бьюсь и целюсь
Тореро верткому в пах.
Свирепая ярость душит,
Песок скрипит на зубах.

И в первую долю секунды
Тореро в пылу не заметит,
Как острый мой рог вопьется,
Неся ему боль и смерть.

Зачем ты пришел, тщеславный,
Бесстрашьем толпу позабавить?
Она тебя вмиг забудет,
Когда под ребром почувешь,
Мой быстрый, как бритва рог.

Седая старуха в горе
Без слез на заре оплачет.

Лишь эхо молитве вторит
И четки в руках запляшут...

Устал я,
расстанемся с миром.
Иди, забери мулету и шпагу, пока не поздно.
И отзови пикадоров и стаю бандерильерос.

Пусть лучше себе закажут
хороший и сытный ужин
И окропят паэлью старым красным вином.

Пусть вспомнят былых матадоров,
легенды доселе живы,
Под звук неумолчной гитары,
Под хруст кружевного платья
и звонкий стук кастаньет.

3

Куда мне теперь осталось
Уйти под бездонным небом?
Насмешливым, злым и черным,
Кинжалами звезд искрящим,
в свой плащ завернувшись скорбно.

Три доблестных кабальеро стоят на закате молча,
Они мне дают мгновенье, запах смерти почуяв,

С тобой проститься навечно,
До боли в висках вспоминая,
жгучий вкус поцелуя.

О-о,
замолчи, гитара...
Теперь уже слишком поздно...

Рыдать и молить о пощаде
гордому сердцу невмочь.

Пусть,
три револьвера дружно
Залпом меня проводят.
По горной тропе к истокам
Твоей и моей судьбы.

И красных звезд ожерелье
На белой моей рубашке.
Все восемнадцать, кряду,
Украсят наряд мой скорбный
Для лучшего из миров...

...теперь уж поплачь, гитара...
Смеяться ведь ты не можешь...

Любовь и несчастье вместе...
пусть даже тебя не услышу...

Невидимый свет

Если ты опоздал лечь спать,
Успокойся, в углу присядь.
Посмотри невзначай в окно,
Только кажется, что темно.
Там уже занимается свет,
Там тебя пока еще нет.

Ты прикрой беспокойные веки,
И услышишь нездешние реки,
Изумрудных струй искрящийся звон,
Скрежет времени в яростном крике ворон.

И свой путь угадаешь без звезд и Луны,
И внезапно поймешь, о чем твои сны.
Ты попробуй ответ на цвет и на вкус,
Покрути, с сомнением, задумчивый ус.
И забудь его до поры,
Вспомнишь в самом конце игры.

А игра начиналась неспешно
Посреди суеты кромешной.
Та игра пролетела быстро —
Жизнь, как росчерк
костровой искры.

Нас помирят со смертью только
Ложь, что свидимся,
Ниточкой звонкой,
Души свяжет невидимый свет.

Как простить, что...
Тебя уже нет?..

Верочка

*(по мотивам одной
фронтальной истории)*

Странная у нас была любовь. Звали ее Верочка. А началось всё с бомбежки. Хотя бомба была всего лишь одна, шуму она наделала много. Как на грех, взрывом разорвало полевую кухню и горячая каша, словно шрапнель, разлетелась во все стороны и основательно ошпарила бойцов новобранцев. Они тут же неподалеку лежали. Как крикнул кто-то: «Во-оздух!!!», так и попадали, кто, где стоял. Некоторые от боли вскакивали и метались с горячей кашей на спине, на лице, а фрицы на бредущем поливали нас из пулеметов. И помочь никак нельзя. В то самое время лежал я в мелкой канаве и как мог, прикрывал от пуль молоденькую радистку, только что прибывшую с пополнением. Вся-то защита – одна гимнастерка.

Когда «немец» улетел, я вдруг заметил ее маленькие русые косички, торчащие в разные стороны. Несмотря на округлые плечики, она казалась мне девчонкой, испуганной и такой милой, как будто случайно оказавшейся в страшной сказке. Мне почему-то стало смешно глядеть на ее съевшуюся фигурку и я, то ли из озорства, то ли от радости, что уцелел, легонько дунул на прядку ее волос, выющих-

ся над ухом. Молодой был... Девушка еще сильнее сжалась, и я, черт меня дернул, хотел осторожно поцеловать ее розовое ушко, но только носом его чуть-чуть коснулся. Она резко дернулась, отбросила мою руку, лежавшую у нее на плече, быстро вскочила и так глянула, я аж чуть сознание не потерял, острая и резкая боль пронзила от затылка до кончиков пальцев. «Зацепил-таки, гад!», – успел подумать о фрице. Когда очнулся, она, немного суетливо, но умело заканчивала бинтовать мне плечо и руку, а потом не отставала ни на шаг до самого санбата. Я, кажется, старался шутить, но видать у меня не очень-то получалось, а она так внимательно и по-доброму смотрела на меня своими сиреневыми глазами. Странно, я точно помню, что сиреневыми...

Недели три я валялся в санбате, она иногда прибежала меня проведать, и мы незаметно подружились. Она рассказывала о своей коротенькой жизни, я хвастался своими военными подвигами, придумывая их на ходу, она внимательно на меня смотрела, и время от времени заливисто смеялась. Мы болтали наперебой. Иногда я читал ей стихи, хоть и помнил их мало, а однажды даже тихонько спел ей песню одну, не знаю, как она называлась. До войны у нас во дворе часто крутили на патефоне. Она еще больше смеялась, потому что я сильно фальшивил. И просила, чтобы я опять спел. А иногда мы просто сидели и молчали. Да, что там, «подружились», она мне как родная стала! Но виду я, дурак, не показывал все

шуточки, да прибауточки шутил. Она доверчиво улыбалась и хлопала своими большущими ресницами. Ее веснушчатое курносое личико было то задумчиво, то светилось какой-то тихой радостью. Может это сейчас мне так кажется, а тогда я был просто счастлив и не понимал своего счастья.

Выписали меня в свою родную роту. Иду, радостный, даже незабудок нарвал, представлял, как Верочка улыбнется, сердце так сладко замирало, что думал, выскочит. На уме одно крутится: «Вера! Вера! Верочка!» Но что за черт?! Опять – «воздух»! Падаю на землю, лежу. Тут наши ребята-зенитчики не подкачали – задымил поганец и ухнул носом в сопку. Еще двое сбросили свой груз и тягу.

Встал, отряхнулся, вижу, впереди бойцы копошатся. Иду и так не по себе стало, будто оборвалось что внутри и звон в ушах нестерпимый. Думаю, – вот дурень, отвык что ли, пока в санбате валялся? А у самого все так и ноет в груди, аж зубы стучат.

Вижу, как в тумане, Вера, моя Верочка, миленькая моя лапушка, никогда таких слов не говорил ей, лежит птичка моя, на боку, скорчилась, личико белое-белое, смотрит удивленно, одна рука вся в крови рану на животе зажимает, другую на весу держит, вроде хочет отгородиться от солдат, что рядом стоят. Стесняется, не дает себя перевязать. Подскочил к ней, кричу ей и сам себя не слышу: «Верочка, родная моя!» А слезы бегут, бегут, почти ничего не вижу. Она узнала ме-

ня, рукой меня отталкивает и шепчет что-то, губами еле шевелит, не понимаю, что. «Сейчас, сейчас», – говорю, потерпи, родная, разрезал ей юбку, озлился как то, сам не знаю отчего, кричу на бойцов, ругаюсь сильно, почему зря, слезы текут сами собой, текут... Каким-то страшным усилием воли, зубы сжал, окаменел весь, ничего не понимаю, а руки сами по себе, перевязываю ее, а она что-то шепчет... и прямо в душу мне смотрит... Говорю ей: «Я тебя люблю, ...Верочка, родная моя!» Она улыбнулась только самыми уголочками губ, сказала тихо-тихо, едва уловимо: «... и... я...». Закрывает глаза и потеряла сознание...

...стыдно вспомнить, схватил тогда в санбате за грудки хирурга военного, даже пуговицы от его халата отскочили. Грязно-серый такой халат с бурыми пятнами крови. Кричу ему диким шепотом: «Спаси ее! Спаси!» Он в ответ кричит запальчиво, страшно выпучив воспаленные глаза: «Нечем! Нечем лечить!»

Военврач с утра до вечера безнадежно кромсал израненные тела молодых солдат, в надежде хоть что-то для них сделать, помочь. Еще вчера они смеялись и курили, писали письма домой, перед боем...

Потом мы вместе с ним курили, около сан палатки, я видел капли пота на его сером лбу и почему-то верил ему.

Не пустили меня к ней. Так до утра и просидел там. Иногда мне казалось, будто лечу я над полем, смотрю сверху на фигурки военврача и санитарок, на палатки с красным

крестом, на поля, окопы... солдатики ходят малюсенькие, как воробьи. А она будто смотрит на меня и говорит: «Ты живи, пожалуйста...», обещаешь?..»

Сердце разрывалось в ожидании, а я видел всё как в тумане, только ее глаза, удивленные... совсем рядом... Верочки моей ненаглядной, прямо в меня смотрели.

Не хотел верить, но чувствовал, – что-то страшное и непонятное происходит в эту самую минуту.

«Ве-е-ро-чка!...», – беззвучно звал я и не было ответа...

Когда узнал..., так пусто в груди сделалось...

Больше я ее не видел... никогда...

Вот такая история, братцы...

Походная пехотная

Как начинается степь?

Под дождем происходит кружение
тучки сгущаются и нагоняет их ветер,
в тяжелые школьные ранцы на плечи
давят они и походным уверенным шагом,
всё под себя подминая жестко без спросу,
по грубой стерне попадают
в размеренный шаг суровой пехоты,
знающей дело свое – убивать и рядами
ложиться под нож равнодушной шрапнели.
Это уж как повезет,
как отмерено кем-то, согласно
небесной просроченной блёклой печати.
Дождь педантичный проводит нас
редкими каплями тихо,
впалые щеки кропя и как бы скрывая,
вдруг затесавшихся в строй
паникеров – соленые метки слезинок.
Эй, шире шаг,
кто там вспомнил родные поля, запевай,
пусть услышат нас те, кто нас ждет,
и кто верит —
мы снова обнимем их жарко
и скоро забудем километры кирзобые,

страх, смерть и ржавых бинтов
пригорелую корку,
и слякоть, и месиво будней унылых,
и гарь предрассветную снов
постепенно,
начинается степь и ползет серой лавой
и хочется свежего воздуха стопку,
расстегнув воротник гимнастерки
и крякнув, выпить до дна,
и хрустеть полминуты
соленым огурчиком мира,
и пойти налегке,
окупаться в горячий ковыль
и лежать, глядя вверх,
наблюдая секрет мироздания,
ощущая всем телом готовность лететь,
одуванчиком вверх.
Начинается степь...

Город мой...

Мой город, и хмурый, и сонный,
Тебя я не то чтоб люблю,
Твоих электричек галдеж многотонный,
Где годы свои разменял по рублю.
Твоих площадей малолюдность,
Кафешек неспешный дымок,
И парков знакомую скудость,
Вокзал, что слезами намок.
Твою повседневную серость,
Истории каменный шаг,
Умов завезенную смелость,
И душ, сбереженный очаг.
Я все принимаю и помню,
Прощаю, чудес не ищу,
По улочкам грустным и сонным
Шершавый свой крест я ношу.
Все это, от первого плача
До зрелости, старости шока,
От радости до неудачи,
Вместилось в мгновение ока.
А был момент, когда казалось,
Настала новая пора,
Всё забурлило, разыгралось,
И будет всё не как вчера.

Мы просыпались, вспоминали
достоинство и честь,
Что есть на свете правда и счастье где-то есть.
Во все глаза смотрели, читали всё подряд,
До хрипоты сражались на кухнях до утра.
Весь день с трибуны – мысль и ложь, и хрень,
От слов свободы радостно и жутко,
Всё с ног на голову, наотмашь, набекрень,
Но всё по-прежнему: всё то же ухо чутко.
И так же, зрелищ надо нам и хлеба,
На том же месте истуканов строй,
Рука все так же мощно рвется в небо,
Сжимая страшный факел над собой.
Мы идеалы развенчали в шутку,
И вроде все путём, но рвется нить...
А где-то, друг мой вызывает проститутку, —
Не по тарифу, по душам поговорить.
Кто я такой – один из миллиона,
Чтобы тебя любить иль не любить?
Ты дал мне шанс, возьми назад с поклоном.
Спасибо, – не успел меня убить.
Ну ладно, город – друг заклятый,
Чего роптать, бывало хуже.
Мой номер никакой, мильён тридцатый,
Скачу,

как

мя

чик,

я,

ПО

лужам...

Бугринский мост

Мы строим жизнь, река течет и время вытекает
затейливо из кринки бытия.

Кому и сколько суждено,
к несчастью или счастью, мы не знаем,
не ожидаем бед и ждем везенья, ты и я.

Гранитных берегов храним привет
от города-героя

И это нас объединяет на фундаменте
радона и покоя.

Незримо опекает нас суровая природа,
Нас выковала, пестует и учит год от года.

Дает нам мудрость,

как возможность процветанья,

Здесь перемешаны и страсти и страданья.

Мы строим жизнь, она, как может, строит нас.

В нас дух первопроходцев не угас.

Мы помним наш 13-й трамвай потертый,

Холодный, тесный, красно-желтый,

и паровоз вокзала образцовый,

летающий вдаль, зеленый и суровый.

И новый мост красивый, чуть скандальный.

Он, как эфес изящный шпаги, красный.

Ха-х!

Вонзенной до предела

Из правого на спящий берег левый
иль бумеранг, как эхом – звон кандалный.
С ноги под дых, как финка подлая,
что под ребро влетела,
Уравновесив неожиданный интеллигентский
визг.

Не получилось, не сошлись, отмежевались,
развелись.

Два мира, две судьбы, враги, как близнецы,
неотличимы в бане, оба сорванцы.

«Титаник» примет всех на разных палубах.

Но в океане,

Нас не спасет монеты звон иль эполет бряцанье,
Увы, напрасны все нелепые и тщетные старанья.

Там правит Посейдон и Архимед,

они с других берегов,

Хотя из разных канцелярий.

И их не купишь, не обманешь, не продашь.

И слава Богу!

Хоть что-то настоящее в ходу.

Что можно взять в дорогу.

Конечно, да, но все же нам от этого не легче

Хотя легко, порой лишь кажется тому,

кто груз переложил хитро́ на подвернувшиеся
плечи.

Мы долго жили косо, скудно, «по старинке»,

Довольно врать себе, лелеять свою гордость.

Уж лучше честность в честном поединке,

чем глупость, иль беспечность, или подлость.

И что тогда? «О, поле, кто тебя усеял?»
Иль душное безвременье, застой, мечта лакея?

Два берега, два мира, двух историй
Пересечение неизбежное – река.
Шрам на судьбе, от разных траекторий.
Точнее, тверже, зорче и верней рука.

Принять весь мир не просто,
хоть он и прекрасен,
Река – граница судеб, шлюзы, рамка бытия.
Лёд подломившийся опасен,
А пули свист услышал – не твоя.

Не торопи упрямую телегу,
событий мировых,
как в капле отразившихся,
столетняя война
меж диким и лихим,
меж добротой и славой,
меж зрелищем и хлебом,
жизнью и бедой
слепа и беспощадна
день и ночь с тобой,
всегда несправедлива
непрерывная война,
где боль и радость сразу не видна.

Война
бесстыдна
лжива
и на всех одна.

Обь, степь, гоп-стоп, тайга, болото
И мошкара, и лед,
составы, как суставы.
Реки народной
море ручейков
Дощатые вагоны, переправы,
кто ты таков, кто я таков?
Баракы, оспа и чума, не ради славы.

Кандалный звон, этапы и погосты,
весь божий день кирка, лопата, топоры,
мальчонка нищий на ветру, слепой апостол
мне будущее в прошлом приоткрыл.

Мосты, мосты...
Для паровозов, пеших или конных
пролеты смелым летчикам,
а встречи – для влюбленных.
Иль мост не поделившим во хмелю, на рынке
сшибаться снова лбами по старинке?
Не скоро сказка сочиняется
про мудрость единенья.
Сумей пройти через свои сомненья.
Сколько еще по рельсам прогрехочет

тонно-километров?

Стихий – огня, воды, земли, ветрѳв и вѳтров.

От правды, на душе – «...покой и воля»

От кривды – лишь оскомина

и пуля в чистом поле.

А есть ещё, другой,

разумный, праведный подход?

Без уравниловки и фарса всепрощенья?

Когда за дело трудное берется весь народ,

Который не желает безвременья.

Соломинка моста, пульсирующий нерв,

артерия и вена

связует «наших» и «чужих»,

строчит суровой общей ниткой время.

Перекипят обиды, злость, непониманье, вера,

откровенно

сказать – сложнее, чем строить мост,

чем доказательство искать сложнейшей теоремы.

Как через тьму найти тропинку к разговору?

Где каждый жестко вбит и укреплен, как мост,

своей опорой.

Суровый хмурый жесткий взгляд сибиряка...

С наскака не поймешь – подумай, жди пока.

Спокоен и угрюм, и не таких видал он:

Шутов, купцов заезжих, грозных генералов.
Его не удивишь фальшивой глянцевою улыбкой
И не накормишь сладкой шоколадной плиткой.

Всяк со своею личной правдою-махоркой
Другого видит сразу точно и «наскрозь».
Как кашель осторожный – знак чахотки,
Война войной, смекай, а табачок-то врозь.

Как мост – туда-сюда он едет и везет,
еще и сам не понял, кто он и откуда,
под грохот времени сквозь боль и дым,
судьбы полет,
вбирает он природы красоту и верит в чудо.

Через него подпитка сдвига верная идет.
Тектоника – не шутка, не спеши с упреком.
Нахрапом, напролом попытка не пройдет,
Кавалерийская атака, штурм с наскока.

В ковыльный перекресток, день потопа
Не перейдешь реку до половины.
Уездный город, ныне – узел всех потоков.
Нас мост спасет, он нам подставит спину.

Изящный, кружевной и крепкий, как гранит
Из прошлого он в будущее мчит.

Мосты наводят иль сжигают за собой,

Когда стремятся к счастью или рвутся в бой.

Никто не скажет, где твоя стезя
Ты сам реши, что можно, что нельзя.

Не ошибись, мечтая иль скорбя,
И помни – слишком многое зависит от тебя.

Лет сорок я учился быть как все,
Как железобетон на взлетной полосе...
Но жизнь одна, и чтоб глядеть вперед,
Я шанс беру.
Иду на взлет!
...Горючка – ноль и дрожь в подкрылках,
Но порох есть и три рубля в копилке...
Пусть жалобно скрипят уставшие шасси,
Механик жжот: «Лети, не сси!»
2013

Пусть плачет душа...

Пусть

Душа моя плачет,
а сердце тоскует...

Мое тело, как дурень,
пускается в пляс невпопад...

Этот танец не мною, не мною был начат,

Эту пьесу придется играть – рад, не рад...

А когда тихий занавес, пыльный и тяжкий

Вдруг опустится намертво

Черствой рукой,

Мне уже будет просто

забыть о потерях,

мне легко

будет в танце

лететь над волной...

Похвала незавершенному гештальту...

Оставьте кофе недопитым,
И не дописанной – строку...
Врага простите недобитым,
И друга берегите на скаку.

Оставьте Эверест непокоренным,
Сложней,
 порой,
 во тьме
 к себе
 идти.

Родного взгляда луч бездонный
Порой важнее Млечного Пути...

Сорняк не вырывайте с корнем,
Обиду проглотите натошак,
Быть недопонятым прикольной,
Чем быть понятным, как дурак.

Зачем стремиться к обладанию
Заветным призом, по шальному кругу?
Оставьте счастье «свежему преданию...»,

Недоцелованной – подругу...

Жить для того, чтоб ставить точку?

А стоило тогда и начинать?

Родите лучше сына ль, дочку,

Но не старайтесь воспитать.

Живите нараспашку, смейтесь, плачьте,

Хватайте полной грудью жизнь,

Как флаг по ветру рвитесь с мачты

Невесть куда, направо, влево, вниз...

Куда б вас не забросила судьбина,

Какие беды не мерцали б на пути,

Какие ветры вам не дули б в спину,

Иль в морду,

все же пробуйте идти.

Не будьте окончательным и точным,

Не верьте фразам, мыслям и часам...

Возьму-ка апельсин, оранжевый и сочный,

И съем, хоть и не весь,

но сам!

«Прощай, прощай...»

Сегодня я давал концерт,
Дрожащею рукой вскрывая
Из прошлого желтеющий конверт
И душу из тисков освобождая.

И сотни тысяч зрителей внимали,
Как я плясал, дурачился и пел.
Они благожелательно молчали,
Ветвями и верхушками качали,
И принимали свой и мой удел.

У них
учился я
хлопку одной ладони.
Когда печаль молчит...
и в легком ветре тонет.

Я хоронил в душе воспоминанья
Без слов, без боли, горечи и слез.
Душа молчит, не ищет оправданья,
Ей внятно все от сосен и берез.

Прощай и прочь ступай, томительный озноб
Дрожащих губ сухих,

предвестник скорого касанья.
Тебе уж уготован гроб
Спокойного и смутного молчанья.

И даже боль уже не ранит,
Ведь камень может все стерпеть.
И пусть еще куда-то манит,
Глухое эхо...
будет в ветках петь...

Русалка

Все очень просто:
Стол, окно, тетрадь.
И некогда, и глупо вспоминать.

Промокнув под дождем,
Примерила, залиvisto смеясь,
Мою тельняшку вместо платья,
И утонула вмиг, искрясь,
В моих объятьях.

Казалось мы одни
В лазурном море,
И бесконечны дни,
И не бывает горя...

Тельняшки зыбкой жар, поверх фигурки хилой,
И трепет губ меня не будет жечь.
Веселых глаз твоих и озорной улыбки милой,
Мне не видать уже.

Забуду всё, не в силах вспоминать.
Мертвецки спать.

При встрече горьких слов не трать

Вон, к дому подступает рать
Разлук, печалей и тревог.
Да, каждый сделал все, что мог.

И вот итог.
Беда стучится на порог.

Но есть простое объясненье,
Долой досужие сомненья:
Ну не судьба!
Что сделать я могу,
Мы всё решили там, на берегу.

Что мне сказать?
Усталые молчат слова,
Уста захлопнуты, как двери.
Нелепы все и «против», и все «за».
Ты будешь точно – счастлива, я верю.

При встрече отведем глаза.
И помолчим о том,
Что не сказать нельзя.
Морозом схватится оборванное слово,
Нет, не тревожьте взгляд, воспоминанья, снова.
Всё. Точка.

Поминальный звон
Мешает позабыть, тревожит сон.

Мне негде спрятаться от боли.
Поклонюсь
тому, что было
И тоски напыюсь...

И буду дальше плыть,
Как прутик в ручейке.
И даже проще.
Весна придет
который раз,
отгаёт роща.
Скворцы споют,
сойдут рекой снега,
черемуха на миг,
задушит, ослепит, изранит,
но никуда уже ничто не манит.
И я забуду всё.
Прощай.
Все просто.
Крыльцо,
Окно,
Тетрадь.
На острых,
На милых плечиках худых,
Тельняшка не по росту.

Верь в себя

девушке, играющей на скрипке

Не верь себе, волчонок, зубки спрячь.
Пусть запечатан в давних строчках плач.
Примерь сережки, бусы, каблучки —
Они тебе уже не велики.
Но все равно, ты маленький бельчонок,
Иль рыжий резвый жеребенок,
Иль маленький пушистенький лисенок,
А может, с крыльями упругими ты белый
аистенок,
А может, своенравный тот котенок,
Который заблудился под дождем...
Поверь, мы все не знаем, где наш дом,
Хотя, быть может, проживаем в нем.

Скажи, зачем тебя манит Луна,
Несказанных чувств захлестнула волна...
Не слушай по ночам тоскливый вой.
Смелее в путь, возьми компас с собой.
Не волки воют, не поют сычи
Захочешь петь, кричать — кричи.
А у ручья, тихонько помолчи...
Возьми с собой скрипичные ключи,
Подружку верную из дерева,

не Страдивари, не Гварнери,
Зато как теплого зверька у левого плеча
Святой и трепетной в преддверии
Божественной гармонии, синкопы сгоряча.
Пристрой, щекой прижмись, душой откройся
В предчувствии познания чуда жить,
К себе прислушайся, росой мечты умойся,
Смычком покорным тки серебряную нить...

И верь в себя,
Ты будешь, кем захочешь...
И никого ты ни о чем не спросишь.

А если встретимся случайно,
Я буду рад необычайно.
Кивни иль подмигни,
Я улыбнусь в ответ
И вспомню:
«Звезд огни,
которых нет».

Неземная простота

Спокойно!

Спокойно...

Когда я уйду...

Туда..., ну ты знаешь,

Откуда никто не приходит,

Где песню протяжную вечность выводит

Губами лесов едва шевеля.

Где взором туманным озера,

Ресницами плотной осоки

Приветствуют путника,

В такт камышу, когда предназначены сроки.

...когда я уйду, ты на миг погрустнеешь,

А может быть, просто устало вздохнешь,

не спеша,

И форточка хлопнет, и ты удивиться успеешь,

Как нынче бурлива река и спокойна душа.

Но это потом, не сейчас, а пока расскажи мне,

Зачем эта звонкая ветка дрожит

в предвечернем тумане,

Лишь серые с розовым мячики,

будто просыпались на голубое,

И мягкие, пухом летят

в догоняшки под ветром, по двое,
Едва успевая вприпрыжку
до сумрачных гор добежать,
Мечтая за луч уходящий
в последний момент уцепиться.

Скажи, мы увидимся там, через черные дали?
На яркой лучистой летящей звезде...
Скажи, для чего мы друг друга
в огне повстречали,
Скажи, отчего рысаки непослушны узде?

Да что я, такой любопытный,
откуда ж ты знаешь,
Не к месту в вопросах таких суета ..., суета...,
Когда уплывает душа, и земное тепло
навсегда покидаешь,
Нисходит на всё неземная... навек... простота.

Осеннее происшествие

Позади жаркие июльские дни, уже и август, прогретый и теплый, как каравай хлеба, вроде бы – вот он, под рукой, а уже отдаляется и уплывает, как лесная избушка за поворотом тропинки. Вокруг густая зелень, сплошной ковер папоротника и редкий невесомый кустарник, постепенно и незаметно смыкается непроходимым лесом, окаймляющим видимую картинку прочной, спокойной и непреклонной рамой.

Непрерывный и неспешный говор леса, сотканный из ветра, птичьих переключек и бесконечных повторов разнообразных трелей, стрекота и всплывающих из вязкого сна звуков кукушки-будильника, напоминающего, что еще один год мерно и неотвратно, как колесо водяной мельницы, совершает свой добротный поворот в никуда.

Образы и звуки, мысли и ощущения чередой толпятся у входа в сознание и растворяются – исчезают, так и не дождавшись своей очереди. Они еще вроде бы тут как тут, но уже постепенно отдаляются и, с легкой грустью, как мерно тикающие капли недавнего дождя, застилаются мягким туманом покоя и равнодушно-усталого внимания, истончающегося липкой паутиной мыслей, одновременно невесомой и прочной, от которой невозможно полностью освободиться,

докучной и совершенно бесполезной. И все же изредка, искоркой мерцает надежда на что-то приятно-радостное, вызывающее мгновенное ощущение присутствия в мире, пробегающее быстрой волной от поясицы до шеи и затылка.

Я шел по лесной тропинке, заброшенной и почти заросшей, редко посещаемой одинокими путниками, вроде меня. Бродил я без всякой цели, просто чтобы подышать лесом и августом, набираясь сил для предстоящей городской суеты в осеннем и зимнем городе, куда я неизбежно должен был возвратиться через несколько дней.

Когда я очнулся от своих мыслей, увидел смущенное лицо белого зайца, удобно устроившегося в шезлонге, нога на ногу, метрах в двух от тропинки. Он был совсем как человек, только длинные уши, лапы и усы, подчеркивали несуразность ситуации. Казалось, он слегка стеснялся, однако смотрел внимательно и с достоинством.

«Я вам сказал „здравствуйте“, а вы ничего не ответили», — улыбнулся Заяц. Его лицо выражало гамму чувств. Там было и смущение, и легкий укор, и доброжелательный интерес, и еще что-то ускользающее в зябком, стелившимся невдалеке, тумане. Он выглядел совершенно естественно в коротком черном фраке с бабочкой на шее, а левая нога его, закинутая на колено правой, слегка покачивалась, обутая в плетеную сандалию. В правой руке он вертел какой-то неболь-

шой предмет, не то сигару, не то зажигалку, (я не мог разглядеть), а в другой руке, изящный бокал с прозрачной жидкостью и соломинкой.

Слова зайца меня почему-то не удивили. Но одновременно с этим я испытывал легкую неловкость и поспешил извиниться за свою оплошность. Я сказал, что не мог даже предположить, что зайцы разговаривают. И снова испытал смущение от бестактности своего замечания. При этом на лице Зайца мелькнуло выражение привычного сожаления о людской невнимательности, сразу же сменившееся добродушной прощающей полуулыбкой. Он наклонил мордочку вниз и посмотрел испытующе из-под очков с большим тонким черным ободком. Откуда они взялись, я не успел заметить.

На мгновение мне показалось, что земля уходит из-под ног, я как будто парю над травой и стараюсь нащупать ногами твердую почву. Сделав над собой усилие, я сглотнул и подумал, что мне представился случай расспросить Зайца о лесной жизни. Мне нравилось, что я могу быть спокоен в столь странных обстоятельствах. Мое восприятие зайца одновременно в двух видах – маленьком и большом масштабе – казалось мне вполне естественным. На первый взгляд он был размером с обычного зайца, сидящего в необычной, как бы нарисованной позе, от этого у меня было чувство легкого превосходства над ним, и одновременно я воспринимал

его как равноправного, хотя и очень странного собеседника, размером с обычного человека. Стоило всмотреться в него, и он быстро приближался ко мне, увеличиваясь в размерах, как в видеокамере.

Бродя по лесу, я настроился на внимательное и спокойное восприятие природы, на то, что здесь можно увидеть и понять нечто недоступное в городской повседневности. Поэтому, с интересом наблюдал большое поле, густо усеянное травой в рост человека, разноцветное небо с облаками, то плывущими, то быстро летящими, лес и отдельные деревья, с ветками издалека похожими на темно синие вены, кустарник с мелкими листочками и паутиной, огромные листья папоротника, все, на что падал мой взгляд. Я учился открывать в природе и в себе что-то новое, углубляющее мое привычное мировосприятие. Тянулся к природе, как к источнику новых сил и одновременно как бы опасался оступить, будто хотел напиться из кристального горного ручья, опираясь на скользкие камни. Но, кажется, за все время так ничему и не научился, а просто плыл невесомым облачком в искрящемся тумане, чувствовал, как холодные потоки воздуха перемежаются с теплыми, проникают через меня насквозь, несут меня все дальше и дальше, я растворяюсь в жгучих потоках лучей зари и расстилаюсь мелким бисером росы по изумрудной траве.

Вдруг, вместо зайца, я увидел совсем рядом приятное лицо девушки, светловолосой и голубоглазой. Почувствовал волнующее тепло ее щеки, предощущение касания и невозможность прикоснуться к ней. Она легонько улыбалась, смотрела на меня с холодноватым интересом и чуть-чуть строго. Девушка мне понравилась, я ощущал свою невесомость, появилось сладкое томящее чувство к ней, мне казалось, будто я скольжу в пространстве без опоры, под острым углом к поверхности земли, теряю равновесие, волны уносят меня вниз по течению, одновременно я понимаю, что лежу на узкой железной кровати, прикованной к полу, а она стоит у изголовья справа и слегка прикасается к моей голове кончиками тонких пальцев. А может быть, и не было касаний, а я чувствовал лишь энергетические потоки между моей головой и ее прозрачными пальчиками.

Я удивленно и с легким беспокойством стараюсь что-то у нее спросить, но язык не подчиняется мне. Хочу встать на ноги, но не чувствую их, стараюсь отгородиться от нее руками, они ватные и тяжелые. Смотрю на нее снизу вверх, кося глазами направо. Выражение ее лица быстро меняется, не утрачивая приятной привлекательности, но постепенно беспокойство мое нарастает, и я уже делаю отчаянные сверх усилия, чтобы освободиться от каких-то невидимых пут, плечи сдавливают тяжесть, мой голос замирает где-то в глубине горла и душит меня изнутри. Она говорит прият-

ным спокойным, но чужим голосом: «Так надо, все скоро закончится, вам не о чем волноваться».

Я вижу, как белая пелена тумана стремительно густеет и неотвратно наползает на меня. Вблизи я еще угадываю очертания кистей своих рук на фоне черного асфальта, а дальше туман смыкается и застилает окрестности. В затылке появляется ощущение неустойчивости и безнадежности, я начинаю соскальзывать все ниже и судорожно пытаюсь уцепиться за ее руки, мне хочется схватить ее, сжать до хруста. Заяц с легкой укоризной смотрит на меня, поправляя накрахмаленную медицинскую шапочку, пристроенную у него на голове между ушей. С хрипом и острой болью во всем теле, вырываюсь из ее мягких теплых рук, просыпаюсь – ошарашенный, и совершенно разбитый...

Сверху я кажусь одиноким и угловатым. Накрытый простыней, в окружении студентов в белых халатах. Из-под крахмальных шапочек у некоторых из них топорщатся бело-розовые заячьи ушки. «Это типичный случай несамоосуществимой неосуществленности в пространстве неосуществимости», – слышу я ровный приятный голос, который мне кажется очень знакомым.

Перед глазами пелена тумана, ползущего по бесконечному полю темно-зеленой травы и вдруг возникает образ зайца, того самого в больших очках, но теперь они уже черные

и глаз его не видно. Я просто наблюдаю и ничего не чувствую, ощущения исчезают, туман и заяц теряются в абсолютной черноте... Я знаю, что проснулся, но это не имеет значения.

Поз Дно

рэн

Мы уже привыкли почти.
Всюду морок непонимания,
Настоящая боль и беда
придут без стука, без напоминания.
Зима, белый снег, а в пять уже сумерки.
Будто солнце украли! Сыграем в жмур-ки?
Всё путем, но дайте немного солнышка.
Нельзя же так, я не просто устал, а дошел
до доньшка.

Эх, тоска без душевных слов, без правды глаза в глаза,
Неуютно, и холодно врать да бояться не то сказать.
Не спасает уже молчанье, без души, равнодушное,
гордое,
Как веревка над пропастью, тлеет шнуром бикфордовым.
Ох, как надоело быть добрым, простым и внимательным.
Улыбаться и прятать свой взгляд, чересчур
проницательный.
Кого-то случайно обидеть – легко!
Задеть, самому вдруг обидеться,
Лучше, ну их подальше, ты знаешь куда,
чтоб никогда не видеться.
Зубы сжать свои, в горло – кляп,
до предела напрячь желваки,

Чтоб не дай Бог чего.

Спрячу глубже свои чугунные кулаки.

Неудобно и глупо быть просто честным,

Когда взгляд напротив – зашорен мезтью.

Всем подряд! За свою дурацкую молодость,

Жизнь, овчинкой, как мордой об стол,

сьежилась.

За свои неподдельные страдания,

За свое мучительное непонимание.

Его злые чужие глаза наполнены

гневом и страхом,

Они бьют поддых и грозят весь мир перетра*ать.

Всех готовы смешать в клубок, своего и чужого,

«Плюнуть» в первого встречного —

хуже выпада ножевого.

А кому и за что, по какому праву?

И крыть-то нечем...

Но хотя б на минуту ему, вроде, становится легче.

Без раздумий топор злословия падает,

А дальше снова тупик, ничего не радует.

Откуда ты взялся,

куплет озорной, бесшабашный?

Тебе подпевает проснувшийся морок вчерашний.

Карточным домиком жизнь рассыпается,

Ничего хорошего не начинается.

На пути оказался осколкa кто-то,

брызнули слезы.

Теперь он затих и лежит

в неудобной живому позе.

Кровь густой кока-колой течет,
из пробитого пулей пластика.

И собака взъерошенная скулит,
и к нему безнадежно ластится.

А ему нормально и клёво, уже ничего не важно,
Пусто там, где мысли терзали, и как-то влажно.

И не жалко ему себя,
тихо осыпью мимо ползут вагоны.

А душа еще здесь?
Или где-то там, в созвездии Ориона?

Ветер колет настырно щеки,
и дым выедаёт сердце, пусто в его глазах.

Поэтому надо быть терпеливым,
он нехотя может не то сказать.

Он не видит меня открытыми настезь глазами,
Не понимает, зачем ему это всё
сейчас рассказали.

Взгляд его оглушен невозможностью видеть,
Подходи, если хочешь рискнуть,
попробуй его обидеть.

Он был частью – лишь долю секунды назад – вселенной,
Она так хотела быть единственной, живой, бесценной.

Эта рваная рана, теплый еще,
беззащитный комочек,

Лишь мгновенье назад был живой,
а теперь ничего не хочет.

Невозможно вместить,
неужели вселенная навсегда распалась?..

Столбняком безнадежным ответ —

Ничего не осталось...

Огнем покорежены плиты бетонные,
топорщится арматура,
Непоправимо и грубо кем-то
оборвана музыка – архитектура.

Отражается капля мира,
в дымящемся зеркале гильзы,
латунно-блестящей.

Кто-то взял себе право решать и карать,
будто он настоящий.

То, что было мгновенье назад
трепетным чувством, мыслью, живым дыханьем,
Запеклось неизбывным горем,
загублено грубым огня полыханьем.

И уже где-то там между Ригелем и Бетельгейзе,
в созвездии Ориона,

Плачет с нами навечно страдающая Мадонна.

Вечно усталые жители, пассажиры метро,
глядят тревожно.

Что это там за звук? Бежать? Сдвинуться
невозможно.

Но нет, повезло пока, облегченно выдохнули
и вздохнули,

В кого-то другого там, далеко, вошли звенящие пули.
Скользко, боком иду, потерянный, сбита резьба и мера,
Слезы высохли в горле давно, какая там, к черту, вера!...
Кажется, пусто в груди и тоска неизбывная выиграла,
Но неужто и впрямь душа умерла, начисто выгорела?
Земля ползет змеей из-под ног.

Навзничь, чужая и неуместная.

Крутится, бьет, зудит мелодия, тошно пресная.

Зыбкая вслух тишина звенит, вязкой сетью
томит, нависшая.

Радость странна и нелепа, и ядовито горчит,
будто вино прокисшее.

В мире испорченном, сером, где нет чести,
Подлость и зло навсегда вместе.

В мире, насквозь пропитанном ложью,
Кажется, что уже ничего невозможно.

Где кроме зла и силы, остались шальные пули,
Которые совесть скосили.

Забрали все. И ничего не вернули...

Осколки мира рвут сердца плоть,
но бьется оно снова.

Ну что? Напрочь! Еще одна... Последняя?
Основа...

Рассыпается память, спекшимся бурым песком,
Если пнуть ее, походя, кованым берца носком.
Рушится карточный домик грез,

смеха и сквозняка.

Разрываются жгучей молнией, черные облака.

Гаснет лучик нежный от сердца к сердцу,

От души к душе.

Поздно... Теперь это просто мишень.

Смерть здесь всего лишь цифра
в невысказанном вираже.

Счетчик несется бешеный вскачь

И-ни-че-го не ва-жно-уже...

Кто-то беспомощно курит,
на экране мертвая пустота рябит.
Чудится, где-то гуляет буря,
издалека свербит.

И не важно, кто мы и где,
есть мы еще, или нет
память измята болью,
в пламени пачкой корчится
от сигарет.

Путь Колобка

сказка для взрослых

Жили-были дед да баба. И не было у них детей. То ли не получалось, то ли откладывали, может, хотели пожить сначала для себя, для своего удовольствия, а уж потом о детях думать. Кто ж теперь знает?..

Вот проснулась однажды утром бабка, посмотрела на себя в зеркало и осталась довольна. Она поняла, что хочет ребеночка родить. Глянула с грустью на деда в окно, он в огороде грядку вскапывал, да задумалась.

Умная она была, а вот как сказать деду, чтобы не огоршить, ума не хватало. Да, поди уж, и забыл, что к чему. Придется видно все заново объяснять да показывать. Вздохнула баба, но мысль эта крепко засела в ней и не давала покоя.

Вечером прихорошилась, глазки подвела, щеки нарумянила, нарезала огурчиков, капустки положила, окорочка куриные обжарила и бутыль первача заготовила. На восьмое марта приберегала, с бабами посидеть, пожалиться друг дружке да песни попеть. Но тут дело-то поважнее будет.

Дед пришел с огорода, как всегда смурной да неразговорчивый. Сапоги стянул, кряхтя, портянки над печкой развесил да чуть не сел в ведро с углем, когда на стол-то глянул.

«Ты, ты... чой-то творишь, бабка?!», – только и смог вы-

говорить дед.

Бабка румяная да озорная хочет приблизиться к муженьку, уже шаг один сделала, да еще с улыбкой умильной, хитрой. Тут любой на его месте струхнул бы. Он, болезный, ручонками-то как крыльями машет, крестится, перед собой выставляет для защиты, глаза выпучил, шепчет: «Свят, свят, изыди, нечистая сила».

– Да ты что, черт старый, совсем охренел, свою законную жену в упор не видишь?!

– Я, я... в-вижу, чуть не напужала ты меня, сколько лет не улыбалась, токмо кричишь, да подзуживашь.

– Ладно, садись уже к столу, праздник хотела устроить, а ты «свят, свят».

– Какой-такой праздник?

– Какой-какой, день сдачи Бастилии. Хрен ты, садово-огородный!

– Не понял..., – хрипит дед.

– Ну, романтическое свидание хотела устроить, полено ты с глазами!

Тут дед чуть совсем в каталепсию не впал, замер, значит, и стал тихонько клониться в сторону. Так бы и упал, если бы бабка вовремя не подскочила и не посадила его на место.

Ну, в общем, посидели они, вспомнили давние времена, когда после вечерки по огородам друг за дружкой бегали, да смеялись. Как однажды, чуть даже не поцеловались, так разогнались на бегу, что лбами стукнулись. Может, потому

и поженились по осени. Хорошее время было, не то, что нынче.

После третьей рюмки, старик успокоился, размяк, запел было песню, слезы выступили некстати, да и упал под стол, как подкошенный и не хватило у бабки ни сил, ни терпения добудиться его. Так и окончилась ничем эта глупая затея, «только продукты зря перевела», – в прострации думала бабка.

Утром дед с мучительным вопросом напряженно взглядывал иногда на бабку, но за ее неприступным видом так ничего и не разглядел, наверное, подумал, что это сон был. Не кошмар, конечно, но уж лучше таких снов больше не видеть, подумал дед и пошел в огород.

Бабка тогда решила все сама сделать. Дождалась полной Луны, размером с золотую сковородку, пошла в амбар, по сусякам поскребла, муки намела, тесто замесила, в печь поставила и испекла Колобка. Румяный да пышный получился, прямо красавец на загляденье, глазки-изюминки поблескивают, складочка такая, будто улыбка во весь рот, только ножек нет, и молчит все время.

Дед пришел с огорода, удивился, но виду не подал. Сел поближе к окну и начал валенки подшивать да на Колобка посматривать. Так они и жили. И вроде помягче стали дед с бабкой. И молчание по вечерам, вроде как уже и не в тягость было.

Со временем Колобок стал у родителей просить, чтобы

отпустили его мир посмотреть, да себя показать. Дед с бабушкой отнекивались, боялись его отпускать в мир. Привыкли к нему, хоть толку от него и никакого. Но все ж, живой да свой, как никак.

Однажды окно осталось открытым и Колобок с подоконника – прыг! И был таков. Покатился по тропинке, только его и видели. И открылась Колобку безбрежная даль, дорога, полная чудес, приключений и открытий – аж дух у него захватило. И понял Колобок, что ему предстоит совершить нечто великое и доселе невиданное. Но что это, он не мог выразить словами, голова немного кружилась, потому что приходилось катиться по дороге и окрестности мелькали перед его глазами.

В глубине души он верил, что ему откроется что-то важное, какая-то тайна бытия. Но для этого нужно время и он еще должен постараться, чтобы постигнуть эту тайну, а потом он откроет ее людям. Бабушка и дедушка обрадуются и похвалят его.

Мелкие камешки на дороге иногда больно ударялись в него и, как бы, отрезвляли, возвращали к реальности. Солнышко грело и настраивало на спокойные размышления, ему хотелось в тень – отдохнуть, но смелый Колобок стремился вперед и вперед, стараясь не думать об опасностях, грозящих ему в пути. Катится Колобок, учится пригорки преодолевать, да из ямок выруливать. Э-эх, здорово! Только деревья да кусты мелькают. Весело и хорошо у него на душе, вдруг – бац!

Споткнулся обо что-то и замер. Но быстро опомнился.

– Ты, кто? – говорит Колобок.

– Я – Волк, зубами щелк.

– Куда путь держишь? – и внимательно смотрит на Волка.

Волк оторопел от такого разрыва шаблона: «Погоди, За...яц, то есть я хотел сказать...». А Колобок ему: «Уважаемый, я покатаюсь тут, а ты пока вспомнишь, что хотел сказать, лады?»»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.